

Гоблин зубасто ухмыльнулся, как бы приглашая Гарри разделить их забавную иронию. Гарри не ответил, слишком занятый тем, что пытался удержать свою магию от разрушительных действий, пока его гнев боролся со здравым смыслом. Он и так подозревал нечто подобное, как только гоблин упомянул о воровстве, но подтверждение вслух сделало эту мысль более реальной. Он разрывался между желанием начать ломать вещи, отправиться прямо в Штаб-квартиру, чтобы дать Дамблдору по носу, или просто разъяриться от несправедливости всего этого. Нерешительность заставила его застыть на месте, что, вероятно, спасло кабинет гоблина от насильственной перепланировки.

"Ты, конечно же, вернешь моей оболочке средства, которые были так ужасно украдены у него, - произнес Смерть в наступившей тишине, голос его был ровным и необычайно серьезным, если учесть, как забавно он обычно звучал.

Это был не вопрос и даже не предложение, а скорее констатация факта. Гоблины вернут деньги, или Смерть сделает это за них самым разрушительным и смертоносным способом, какой только сможет придумать. То, что этот способ, скорее всего, будет включать в себя геноцидное уничтожение всей нации гоблинов, не было сказано, но подразумевалось.

"Д-да, конечно", - заикнулся Ливеркрушер, снова нервно перетасовывая свои бумаги. "В качестве компенсации мы возьмем деньги прямо из хранилища Главного Магвампа".

"С процентами, я полагаю?"

"О, о, да", - Ливеркрушер кивнул так быстро, что его шея заныла, напомнив Гарри Добби. "С процентами. Конечно".

Пальцы Смерти сжались на плече Гарри, и ледяная магия потянулась к нему и задушила огонь Гарри, как холодное одеяло. Эффект был не сравним с тем, когда на голову выливают ведро ледяной воды, и Гарри вздрогнул, когда его дыхание на несколько ударов сердца сковало воздух перед ним. Однако теперь он чувствовал себя гораздо спокойнее; он ощущал себя более контролирующим свою магию, а не наоборот.

"А что с ящиком?" спросил Гарри, как только его зубы перестали стучать. Он хотел вернуть всё, что было украдено, и немедленно. Он ни за что не оставит в жадных руках Дамблдора то, что принадлежало его отцу.

"К сожалению, это то, что мы не можем вспомнить физически. Похоже, он находится за особенно впечатляющим набором Древних Вардов. Мы подозреваем, что Главный Магвамп хранит его в Хогвартсе, поскольку замок печально известен тем, что не поддается традиционному снятию проклятий". Ливеркрушер скорчил гримасу, казалось, искренне извиняясь, несмотря на нависшую над ним фигуру Смерти, которая по-прежнему обнимала Гарри за плечи.

Смерть насмешливо хмыкнул, его исхудалое лицо совершенно не впечатлило. "Глупый смертный. Нет ни одной палаты, которая когда-либо существовала или будет существовать,

способной остановить Смерть".

Он протянул свободную руку, и воздух вокруг нее резко завибрировал: пространство над протянутой ладонью Смерти искривилось и забилося в конвульсиях, наглядно демонстрируя, что законы пространства и времени для Смерти ничего не значат. Через несколько мгновений в его руке оказалась золотая коробочка длиной около пятнадцати дюймов, края которой дымились и расплывались, пытаясь превратиться в нечто, способное существовать в этой плоскости реальности после того, как ее насильно перетащили через промежуточное расстояние лишь усилием воли.

Как только шкатулка перестала дрожать и стала казаться почти твердой, Смерть повернулась и с довольной ухмылкой опустила ее в руки Гарри. Гарри, не обращая внимания на ошарашенных и испуганных гоблинов, прижал шкатулку к груди обеими руками, защищаясь. Эта шкатулка принадлежала его отцу. Эта шкатулка предназначалась ему; это был настоящий подарок от родителей, единственный, который он когда-либо получал не из вторых рук. Конечно, его плащ тоже принадлежал отцу, но это была вещь, которую Дамблдор украл и отдал ему под видом рождественского подарка. А это была вещь, которая, как недвусмысленно заявил его отец, должна была достаться Гарри, и на которую ещё никто не положил лапу и не посмотрел. Он не собирался расставаться с этой шкатулкой, даже если мир внезапно разразится Армагеддоном.

Рука Смерти снова сжала его плечо, прежде чем сущность обратила острый, непростительный взгляд на испуганного гоблина за столом. "Моей оболочке требуется уединение, чтобы ознакомиться с содержимым шкатулки его отца".

"О! О, да, конечно; если вы проследуете за мной..."

"Нет. Этой комнаты будет достаточно. Вы покинете помещение и не вернетесь, пока я вас не приведу".

Ливеркрушер колебался, разрываясь между тем, чтобы возразить, что это его кабинет и поэтому он имеет полное право оставаться в нем, и тем, чтобы немедленно капитулировать, поскольку это была Смерть, а умирать Ливеркрушер очень не хотел. Немного гоблинской гордости пробилось сквозь всепоглощающий, животный ужас, охвативший его с того момента, как существо впервые переступило порог банка. "Прошу прощения, но это мой кабинет. Есть и другие отдельные комнаты, которые я могу..."

"Уходите".

Ливеркрушер бросился бежать, спотыкаясь о собственные ноги, и врезался в окаменевшую фигуру Редакса, все еще стоявшего в дверном проеме. Два гоблина, царапая когтями землю и друг друга, поочередно тащили и толкали друг друга из комнаты. Один из них протянул когтистую руку и вытащил бессознательного охранника за ногу, прежде чем дверь захлопнулась и заперлась.

Гарри сдержал смех, глядя на то, как гоблины отреагировали на его друга, и не нашел ничего странного в том, что Смерть вышвырнул гоблина из собственного кабинета только для того, чтобы тот мог осмотреть содержимое ящика. Поставив шкатулку на стол Ливеркрушера, он с удивлением обнаружил, что ему не терпится посмотреть, что же оставил для него отец, и стал искать замок или защелку, с помощью которой можно было бы ее открыть. Он с удивлением обнаружил, что ящик представляет собой цельный металлический блок, и открыть его невозможно. Нахмутив брови, Гарри поднял коробку и потряс ее возле уха, услышав отчетливый звук дребезжания.

Значит, она определенно была поллой. Гарри вспомнил о Карте Мародеров и, потянувшись в карман за палочкой, подумал, не функционирует ли эта шкатулка аналогичным образом. Прижав кончик палочки к верхней части шкатулки (из-за большого герба в виде оленя с лилиями на рогах), Гарри повторил фразу, которую слышал от Мародеров, когда они учились в Хогвартсе.

"Торжественно клянусь, что я ничего не замышляю".

Шкатулка нелепо щелкнула, и шов показался ему таким, будто он всегда там был, несмотря на все доказательства обратного. Гарри с нетерпением открыл коробку и уставился на неё. Внутри лежали два сложенных письма: одно было написано на волшебном пергаменте, другое - на линованной магловской бумаге. Также там было около дюжины склянок со странным серебристым веществом и несколько конвертов, в которых, предположительно, находились письма - на каждом конверте было указано имя, так что Гарри решил, что он должен был получить и передать эти письма, когда учился на первом курсе.

Он достал один из флаконов и уставился на него. Это не было похоже на зелье. Скорее, это был кусок серебристой ткани с жидкостью, который бесконечно крутился вокруг себя. Он задумался, что это такое и почему их так много.

"Это воспоминания, моя оболочка, - пробормотала Смерть ему на ухо. "Для их правильного просмотра нужно использовать перьевое сито".